

Те двое действительно сидели в креслах, прислонившись к спинкам, и крепко спали. Собравшись, он резко ударил их ребром ладони по затылкам. Послышался тихий хруст — шейные позвонки сломались. Оба тела дрогнули и бессильно поползли на пол. Лин Цзыхань подхватил их, бесшумно уложив на землю, а затем стремительно рванулся к Лэй Хунфэю.

Тот всё ещё был привязан к деревянной стойке. Одежда превратилась в кровавые лохмотья, а тело сплошь покрывали рубцы от плетей и ожоги — целого места почти не осталось. Лицо было мертвенно-бледным, голова бессильно опущена. Казалось, он без сознания.

Лин Цзыхань перерезал ножом верёвки, подхватил падающее тело и тут же прижал пальцы к сонной артерии.

Он был жив. Пульс слабый, но ритмичный.

В сердце Лин Цзыхана вспыхнула радость, но он не терял ни секунды. Собирался уже взвалить его на спину, как Лэй Хунфэй открыл глаза.

Взгляд был пристальным и настороженным, а в уголках губ запеклась насмешливая улыбка.

Днём он отчётливо видел этого человека среди террористов — тот спокойно наблюдал за его мучениями. А теперь явился под видом спасителя? Не вышел один план — придумали другой? Хм, думает, меня так легко провести? Он уже собрался выругаться, но Лин Цзыхань, не дав ему слова вымолвить, приник головой к его плечу, по-кошачьи нежно потёрся щекой.

Лэй Хунфэй остолбенел.

Жест сам по себе был ничего особенного, но ощущение... Оно до боли знакомое. Так делал только один человек. Каждый раз, засыпая в обнимку, тот искал самое удобное место на его плече, чтобы устроиться поудобнее. Лэй Хунфэй даже смеялся, что он похож на щенка.

Он широко раскрыл глаза, вглядываясь в лицо незнакомого юноши.

Лин Цзыхань тихо прошептал ему на ухо: «Давай улетим отсюда».

Лэй Хунфэй встрепенулся.

Это он.

Так вот в чём дело.

Нет, так и должно было быть. Это он сам был слепцом, поверившим в показное. Не удосужился копнуть глубже.

Все их друзья детства — кто не сын военного? Кто не пошёл по стопам отца? Сам он грезил космосом, наперекор отцу рванул в лётное училище, но в итоге всё равно вернулся в сухопутные войска — отцовскую вотчину. Конечно, это был его собственный выбор. Он жаждал сражений, хотел, подобно отцу, вершить подвиги, стать легендарным полководцем, чьё имя переживёт века. Даже смерть за родину казалась ему достойной и славной. Из всей их компании лишь Лин Цзыхань всегда был другим. С детства — тихий, воспитанный. В драках не участвовал, в шалостях не замечен. Матери ставили его в пример, косясь на остальных. Они, старшие, зная, что тот с малых лет потерял мать, а отец вечно в разъездах, рос почти сиротой, всегда его опекали. Даже когда он вырос и со стороны казался беззаботным бездельником, они не позволяли себе ни намёка на насмешку. Напротив, старались подбодрить, чтобы он не

чувствовал себя ущемлённым.

Но они, мальчишки, прямые и простодушные, как их отцы-воины, и в голову не приходило задуматься: как такой человек, как Лин И, некогда прозванный «Первым воином госбезопасности», а позже возведённый в ранг «крестного отца» всей китайской разведки, мог позволить своему сыну превратиться в праздного повесу? Оказывается, тот, как и он сам, ступил на отцовскую стезю. Только путь его был куда более тайным и куда более опасным.

Заметив, как в глазах Лэй Хунфэя вспыхнуло понимание, Лин Цзыхань тут же тихо добавил: «Ни слова. Никому».

С детства они понимали друг друга с полуслова, а сейчас мыслями и вовсе слились воедино. Лэй Хунфэй уловил смысл: даже отцу нельзя знать. А насчёт отчёта... что ж, напишет, что спасён неизвестным союзником.

Невзвешенно, в самой гуще опасности, ему вспомнилось, как в школьные годы, после очередной проделки, Лин Цзыхань помогал ему сочинять покаянные объяснительные. Он невольно усмехнулся: «Будь спокоен. Из меня слова не вытянешь». Голос был хриплым, но в нём звенела радость.

Лин Цзыхань тепло улыбнулся в ответ, затем развернул принесённый Мерлином чёрный брезент и с головы до ног укутал почти обнажённое, израненное тело. Присев, взвалил его на спину и ринулся в ночную мглу.

Дождь по-прежнему моросил, в воздухе витала промозглая сырость. Но Лэй Хунфэю, прижавшемуся к худощавой спине Лин Цзыхана, было невыразимо тепло. Несмотря на его богатырское сложение, Лин Цзыхань нёс его легко, почти без усилий, ловко петляя среди густых зарослей по направлению к лесному массиву за посёлком.

Минут через десять Лин Цзыхань остановился.

Здесь, среди деревьев, были расставлены наблюдательные посты, но к этому моменту их уже обезвредили Ю И, Ло И, Чжао Цянь, Ло Хань и Солан Чжэма. Ю И и Ло И затаились за стволами, ожидая сигнала, остальные заняли позиции, наблюдая за деревней. Увидев, что Лин Цзыхань вышел в условленное место, Ю И тут же шагнул вперёд.

Ло И осторожно снял Лэй Хунфэя и переложил на спину Ю И.

Лэй Хунфэй не отрывал взгляда от Лин Цзыхана.

Тот ничего не сказал, лишь поднял большой палец.

Лэй Хунфэй усмехнулся. Та самая, привычная усмешка — наглая, бесшабашная. Лин Цзыхань частенько клеймил её словом «бесстыдство». Услышав это, Лэй Хунфэй лишь сиял ещё больше. И сейчас, в этом гиблом месте, эта знакомая ухмылка вызвала в душе Лин Цзыхана странную, щемящую радость.

Мгновение — и Ю И, неся на спине Лэй Хунфэя, быстро скрылся в чаще. Ло И последовал за ним, готовый прикрыть отход.

Лин Цзыхань тут же развернулся и, соблюдая все предосторожности, вернулся в свою комнату.

Едва переступив порог, он начал стягивать с себя промокшую одежду.

Мерлин в тот же миг спрыгнул с кровати и, пока тот раздевался, натянул свою прежнюю одежду. Крепко обнял Лин Цзыхана и выскользнул в окно.

Обнажённый, Лин Цзыхань лёг на кровать, глубоко вздохнул, обнял Вэй Тяньюя и тихо произнёс: «Теперь всё по-настоящему».

От прикосновения его холодного тела Вэй Тяньюй вздрогнул всем телом, но не пошевелился.

Лин Цзыхань удивлённо посмотрел на него.

Сдерживая бурю внутри, Вэй Тяньюй стиснул зубы и прошептал ему на ухо: «Ты... начни».

Лин Цзыхань удивился ещё больше. Он не понимал, что стряслось с Вэй Тяньюем. Тот только что вернулся, силы на исходе — откуда взяться энергии, чтобы быть активным?

Вэй Тяньюй и сам это понимал, но не мог заставить себя. В душе он жаждал его безумно, но мысль овладеть им в такой ситуации казалась ему подлой. Возможно, для Лин Цзыхана это была лишь часть работы, но для него — нечто неизмеримо большее.

Время шло, скоро рассвет, а на их телах — ни намёка на близость. Любой заметит неладное. Лин Цзыханю было не до размышлений. Он перевернулся: «Ладно, тогда я». И грубо приник к его губам.

Его поцелуи были жадными, требовательными. От шеи к плечам, от груди к животу — на светло-коричневой коже Вэй Тяньюя расцветали ярко-алые отметины.

Тело Вэй Тяньюя мелко дрожало. Прикосновения любимого человека лишали его рассудка. Лин Цзыхань, опираясь на руки, чувствовал эту дрожь. Вэй Тяньюй понимал: тот действительно выдохся.

Внезапная волна нежности нахлынула на него. Он схватил Лин Цзыхана за плечо, когда тот целовал его живот.

Лин Цзыхань замер и поднял на него взгляд.

Не говоря ни слова, Вэй Тяньюй притянул его к себе, перевернул, накрыл своим телом и тихо прошептал: «Отдыхай. Я всё сделаю».

Лин Цзыхань, увидев, что тот пришёл в себя, с облегчением выдохнул, расслабился и лёг на спину.

Вэй Тяньюй принялся страстно осыпать поцелуями его тело.

<http://bllate.org/book/16287/1468131>